

На обѣдѣ, данномъ въ г. Москвѣ 25-го мая въ честь знаменитаго юбиляра Н. И. Пирогова, — въ числѣ другихъ привѣтственныхъ рѣчей была произнесена доцентомъ нашего университета *П. И. Морозовымъ* слѣдующая рѣчь:

Высокоуважаемый Николай Ивановичъ! Бываютъ въ жизни каждаго человѣка минуты, когда, подъ вліяніемъ волнующихъ его чувствъ, онъ не въ силахъ выразить словами того, что онъ чувствуетъ и что хотѣлъ бы сказать... Подобныя минуты, отрадные и полныя невыразимаго чувства, переживаю и я теперь... На мою долю выпала честь, о которой я никогда не мечталъ, — честь привѣтствовать васъ, въ день вашего юбилея, отъ имени медицинскаго факультета харьковскаго университета. Въ адресѣ, который я имѣлъ уже счастье вручить вамъ, достаточно выражены чувства, руководившія въ этомъ случаѣ медицинскимъ факультетомъ. Моя миссія въ этомъ отношеніи, исполнена. Но я лично, самъ отъ себя, желалъ бы сегодня, когда мы еще разъ, по русскому обычаю, собрались здѣсь дружески, за обѣденнымъ столомъ, отпраздновать вмѣстѣ день вашего юбилея, — день, который неизгладимо запечатлѣтся въ душѣ каждаго изъ насъ, — я желалъ бы сегодня, въ кругу товарищей и близкихъ вамъ людей, выразить вамъ, какъ высоко мы, *русскіе*, чтимъ всѣмъ намъ дорогое ваше имя, и какъ безгранично глубоко наше уваженіе ко всей вашей славной 50-лѣтней дѣятельности на поприщѣ развитія *русской* медицины, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова...

До васъ, до 1-го появленія въ свѣтъ вашей „*Хирургической анатоміи артеріальныхъ стволовъ и фасцій*“, этого въ высокой степени замѣчательнаго, художественнаго произведенія, — во всей западной Европѣ имѣли какое то смутное понятіе о *русской* медицинѣ вообще и *русской* хирургіи въ особенности. А между тѣмъ это было время, когда на западѣ Европы блистали ужъ такія яркія свѣтила науки, какъ А. Сурегъ въ Англии, Dupuytren и Velpeau во Франціи Diefenbachъ въ Германіи, и многія другія хирургическія знаменитости. Лишь одни мы, *русскіе*, не имѣли еще выдающагося общественнаго дѣятеля на поприщѣ хирургіи... Такимъ дѣятелемъ, свѣтиломъ *русской* науки, *русской* анатоміи и хирургіи впервые явились вы, высокоуважаемый нашъ

общій наставникъ и профессоръ... Въ своей „Хирургической анатоміи артеріальныхъ стволовъ и фасцій“ вы впервые указали тѣ чисто-научныя и строго-анатомическія основы, которыя всегда должны руководить вооруженной рукой хирурга при производствѣ имъ какихъ бы то ни было операцій...

Поставивъ такъ высоко практическое, научное знаніе анатоміи для хирурга и доказавъ, что это знаніе безусловно необходимо, вы этимъ самымъ сразу подняли русскую хирургию на уровень высоты хирургіи западно-европейской, — скажу болѣе: вы подняли ее выше этого уровня...

Изумленные, невольно преклонились хирурги — свѣтила западной Европы предъ вашимъ могучимъ знаніемъ, предъ вашимъ всеобъемлющимъ авторитетомъ; невольно пришли они къ сознанию, что есть имъ чему поучиться и у насъ русскихъ...

Цѣлый рядъ послѣдующихъ затѣмъ другихъ великихъ произведеній вашихъ, какъ „Полный“, къ сожалѣнію не оконченный „курсъ прикладной анатоміи человеческого тѣла“, какъ „Патологическая анатомія азіатской холеры“, какъ вашъ Отчетъ о путешествіи по Кавказу какъ ваши знаменитыя „Клиническія анналы“, наконецъ, какъ ваша бессмертная „Топографическая и скульптурная анатомія“, всѣ эти великія произведенія мощнаго ума вашего, эти плоды неутомимой, колоссальной дѣятельности вашей, — создали вамъ высокое, всемірно научное значеніе гениальнаго хирурга-анатома, — окружили васъ ореоломъ блеска и научной славы, — и такъ высоко подняли русскую анатомію и русскую хирургию, созданную вами...

Грянула Крымская война. „Что мы не были къ ней приготовлены,“ — скажу вашими словами, глубокоуважаемый Николай Ивановичъ, — „это ужъ теперь не государственная тайна...“ Много горя, неудачъ, горькихъ разочарованій, тяжелыхъ лишеній испытали мы во время этой кампаніи... И голодъ и холодъ терпѣли наши раненные, — стонали и дрожали отъ сырости, отмораживали себѣ ноги въ транспортахъ, и молча, безъ ропота переносили свои страданія... Они какъ бы чувствовали, что эти ихъ страданія, эти вопіющіе недостатки военно-полевой администраціи, составляютъ только неизбѣжный результатъ того великаго общественнаго зла, которое мы называемъ войною и которое повсюду приноситъ съ собою такую массу бѣдствій и горя... Что же удивительнаго, если и на нашу долю, въ эту кампанію, выпало такъ много горя?!... Но при всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, при всѣхъ недостаткахъ, а подѣ-часъ и злоупотребленіяхъ нашей тогдашней военно-полевой администраціи, мы, русскіе, имѣли одно, завидное преимущество передъ нашими неприятелими во главѣ небольшой корпораціи врачей хирурговъ, дѣйствовавшихъ въ эту компанію, во время обороны Севастополя, во главѣ этой корпораціи, мы имѣли васъ, глубокоуважаемый юбиляръ!...

Мощнымъ, орлинымъ взглядомъ видѣли вы всѣ эти недостатки и злоупотребленія; чутко отдавались въ вашемъ наиболѣвшемъ сердцѣ страданія нашихъ раненныхъ; многія тысячи этихъ раненныхъ получили отъ васъ ласковый привѣтъ и медицинскую помощь; многіе изъ нихъ возвращены были вами къ новой жизни, послѣ всѣхъ перенесенныхъ ими страданій...

Вы все видѣли, все замѣчали, въ эту тяжелую скорбную для насъ годину крымской кампаніи... И, незамѣтно для васъ самихъ (такова ужъ участь великихъ людей), зрѣли въ умѣ вашемъ бессмертные „Начала общей военно-полевой хирургіи“.

Что мнѣ сказать объ этомъ великомъ, гениальномъ произведеніи вашемъ, составляющемъ гордость Россіи, украшеніе библиотекъ всѣхъ странъ и народовъ?!... Я не въ силахъ выразить вамъ словами всего того уваженія, всего того, можно сказать, благоговѣнія, съ которымъ каждый изъ насъ перечитываетъ это драгоценное произведеніе ума вашего, этотъ перлъ вашей изумительной дѣятельности на поприщѣ развитія русской хирургіи... Я не въ силахъ этого сдѣлать потому, что лично я самъ, хотя не имѣю счастья быть вашимъ ученикомъ, — я, бывши студентомъ, какъ бы выросъ и воспитался на этихъ вашихъ „Началахъ общей военно-полевой хирургіи“... Для меня они все: и высокое умственное наслажденіе, и яркая, художественная картина необъятныхъ границъ области хирургіи, — и отрадное сознаніе того, что эти, скромныя по заглавію, „Начала“ вышли изъ-подъ пера именитаго русскаго хирурга-анатома...

Читая лекціи военно-полевой хирургіи въ медицинскомъ факультетѣ харьковскаго университета, я счастливъ тѣмъ, что могу такъ часто, на этихъ лекціяхъ, упоминать ваше имя, сдѣлавшееся уже теперь великимъ, бессмертнымъ, — могу такъ часто сообщать моимъ слушателямъ отрывки и цѣлыя страницы изъ этихъ вашихъ гениаль-

ныхъ „Началъ общей военно-полевой хирургіи“... Зная подробно литературу этой отрасли хирургіи, я по совѣсти могу сказать, что во всей этой богатой литературѣ, — а во главѣ ее стоитъ цѣлый рядъ хирургическихъ знаменитостей, — что во всей этой литературѣ нѣтъ ни одного произведенія, которое бы было такъ художественно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ безпристрастно по изложенію, — которое поражало бы насъ такою необычайною глубиною взглядовъ, которое бы, наконецъ, было такъ богато по своему внутреннему содержанию и обилію научныхъ фактовъ, какъ ваши „Начала общей военно-полевой хирургіи“... Да позволено будетъ мнѣ преклониться предъ величіемъ творца этихъ „Началъ“...

Затихъ гулъ севастопольскихъ орудій; смолкли ужасы Крымской войны; изгладились послѣдніе слѣды испытанныхъ нами неудачъ... Россія стала отдыхать... Отдыхали вмѣстѣ съ нею и вы, нашъ высокоуважаемый юбиляръ, отдыхали отъ тревоженій міра сего, въ мирномъ углѣкъ подольской губерніи... Непродолжителенъ, однако, былъ вашъ отдыхъ... Насталъ 1870 годъ. Чудовищная, небывалая по своимъ размѣрамъ, война вспыхнула между 2 великими державами Европы и снова призвала васъ изъ тиши деревенской жизни на поле брани, на арену военно-санитарной и общественной дѣятельности... Будучи уполномочены отъ главноуправленія общества „Краснаго Креста“ и Августѣйшей покровительницы этого общества покойной Государыни Императрицы Маріи Александровны — осмотрѣть санитарныя учрежденія на театрѣ военныхъ дѣйствій, — вы посѣтили бранныя, залитыя кровью, — поля Эльзаса и Лотарингіи, осмотрѣли болѣе 70 военныхъ лазаретовъ, переполненныхъ массою раненныхъ, — и результатомъ этой поѣздки вашей явился новый замѣчательный трудъ, новый богатый вкладъ въ сокровищницу русской науки, — трудъ этотъ былъ вашъ „Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Эльзасѣ и Лотарингіи“. Въ краткомъ и сжатомъ изложеніи этого „отчета“ мы находимъ блестящее выполненіе возложеннаго на васъ высокаго порученія, — находимъ въ этомъ „отчетѣ“ такъ много новаго, свѣже-научнаго, высоко поучительнаго...

Прошло еще нѣсколько лѣтъ... Снова уединились вы въ тишь и глубь деревенской жизни, думая, быть можетъ, въ ней и окончить вашу славную дѣятельность... Но провидѣнію угодно было иначе устроить вашу судьбу, — судьбу, которая давно ужъ принадлежить не вамъ, а той странѣ, которая съ гордостью называетъ васъ своимъ лучшимъ, своимъ дорогимъ, возлюбленнымъ сыномъ... Державною волею опочившей Государыни Императрицы вы снова въ 1877 году, въ самый разгаръ кровопролитной нашей войны съ Турціей, были вызваны на театръ военныхъ дѣйствій — для осмотра какъ санитарныхъ учрежденій нашихъ (на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи), такъ и различныхъ способовъ транспортировки раненныхъ по грунтовымъ и желѣзнымъ дорогамъ.

Въ позднюю, глухую осень, по размытымъ непогодю ухабистымъ болгарскимъ дорогамъ, испытывая вліяніе холода и сырости, совершили вы свою поѣзду на театръ нашей послѣдней войны... Не давая себѣ нигдѣ отдыха, переѣзжая изъ одного госпиталя въ другой, всюду собирая интересовавшія васъ научныя свѣдѣнія, оказывая помощь раненымъ, подавая примѣръ нашимъ лучшимъ хирургамъ, дѣйствовавшимъ въ эту кампанію, принимая участіе во многихъ важныхъ совѣщаніяхъ, — вы, въ сравнительно короткое время, со свойственной вамъ изумительной энергіей, успѣли осмотрѣть все, что только можно осмотрѣть и чего никто другой не въ состояніи былъ бы сдѣлать... И вотъ, какъ результатъ этой замѣчательной поѣздки вашей, явился 2½ года тому назадъ вашъ послѣдній трудъ „Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи“... Трудъ этотъ, объемистый по содержанию, колоссальный по исполненію, не имѣющій себѣ ничего подобнаго, — представляетъ послѣднюю блестящую страницу вашей славной высоко-научной дѣятельности... Въ трудѣ этомъ насъ невольно поражаетъ изумительная ясность изложенія, высота мощнаго паренія гениальнаго хирурга, необъятная широта его кругозора, исполинская сила его знанія... И этотъ трудъ, составляющій какъ бы дополненіе къ вашему „Началамъ общей военно-полевой хирургіи“, — этотъ трудъ написанъ вами въ то время, когда сотни, когда тысячи другихъ людей — сходятъ ужъ давно съ арены общественной и научной дѣятельности и предаются отдыху, покою... А вы не знаете отдыха. Вы трудитесь въ потѣ и крови лица... И все это вы дѣлаете на благо вашей родины, — на благо той науки, которой вы служите лучшимъ,

благороднѣйшимъ, идеальнѣйшимъ представителемъ.... Товарищи! Преклонимъ наши головы предъ этимъ великимъ человѣкомъ!... Онъ такъ много сдѣлалъ для блага нашего отечества!... И Россія его никогда не забудетъ.... Никогда также его не забудетъ и созданная имъ *русская* хирургія, — она ему всѣмъ обязана....

Я кончилъ.... И, съ бокаломъ въ рукахъ, я предлагаю тостъ „за процвѣтаніе *русской* хирургіи и за здоровье ея творца, ея славнаго, великаго представителя Н. И. Пирогова“!